

ШМИГАЛЕВ НИКОЛАЙ

ГУБЫ ЦВЕТА ЛАЙМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ОНИ ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Николай Шмигалеv

Губы цвета лайм

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шмигалев Н. Н.

Губы цвета лайм / Н. Н. Шмигалев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Престижная работа, любимая девушка, хорошая квартира в уважаемом районе – что ещё надо, чтобы, как говорится, встретить старость, то есть жить долго и счастливо. Наверное, постараться не встретиться с призраками прошлого. Или чтобы забытые грехи не напоминали о себе. Но они всегда, рано или поздно, но обязательно возвращаются к нам, чтобы вернуть должок. И тогда пробуждаются демоны внутри нас... Содержит нецензурную брань.

Последний летний день обещал быть жарким и солнечным, то есть таким, какими были почти все предшествующие ему дни этого незабываемого августа, пахнущего морем и арбузами. По крайней мере так за тридцать первое число поручился интернет, где, на сайте погоды, рядом с датой полыхал лучами скалящийся неизвестно чему солнечный смайлик в стильных солнцезащитных очках. Реальность же оказалась не такой радужной. Если до полудня погода еще как-то старалась поддерживать знойный имидж уходящего лета, придерживая на отдаленных подступах к городу стаи натекавших с запада облаков, то прощальный аккорд получился совсем уж унылым. Вместо шикарного заката, расписанного яркими красками уплывавшего за горизонт утомленного солнца, небо затянуло плотным саваном свинцовых туч, из-за чего город сразу посерел и обезлюдел. Примчавшийся из-за реки, пронизывающий ветер, яростными порывами поднял клубы пыли на мостовых, разгоняя с улиц последних прохожих, после чего умчал хулиганить по узким подворотням, уступив место первому предвестнику осени – нудному и нескончаемому дождю, воплощению осенней хандры.

Под этим сизым небом, оплакивавшим безвременную кончину лета, город и вовсе стал похож на мокнущую под дождем дворянку. Такой же жалкий и понурый.

У Макса было богатое воображение и, благодаря этому сомнительному богатству, он без труда представлял себе, как поскуливает за окном его уютного офиса мокнувший город-щенок. В серых струях дождя и с высоты птичьего полета – фирма где он работал занимала почти весь сороковой этаж одного из небоскребов в деловом центре – обезлюдевший город выглядел безотрадно и уныло, нагоняя тоску. Осень безжалостно брала город за горло, и в горле у Макса от увиденного тоже ни с того ни с сего запершило.

Ведь еще неделю назад он с головой утопал в лете – отпуск, море, песок, теплый бриз, кипарисы и... любимая девушка. Это был его первый отпуск, в который он поехал не «налегке», как говорится «на курортную охоту», а со своим очаровательным «самоваром». И, честно признаться, ни разу не пожалел. Этот отпуск был самым лучшим из всей череды прежних отпусков. Их красивая пара была неразлучна в райском уголке две недели и совершенно не устала друг от друга.

Теперь от кипарисового «рая» остались лишь сладкие воспоминания и она. Её Ева.

Воспоминание о возлюбленной немного приподняло Максу подпорченное погодой настроение.

Ева. Прекрасное юное создание, непонятно за какие заслуги посланное ему небесами.

Ему уже скоро тридцать три, ей скоро двадцать три, но разница в десяток лет никак не сказывалась на их взаимопонимании и мировосприятии. Они понимали друг друга с полуслова. Им нравились одинаковые фильмы, песни, книги, блюда. У них были одинаковые вкусы и это сближало их еще больше. Макс считал, что они были созданы друг для друга. Ева была не только красива, стройна и элегантна, но еще больше Макса в ней умиляли её скромность, доброта, нежность и кротость. После уже почти полугода их знакомства, его возлюбленная оставалась все такой же простодушной, стеснительной и вместе с тем романтичной, что даже намекая на интимную близость Макс за все время ни разу не решился предложить ей «заняться сексом», а исключительно «предаться любви». И прелюдии полные нежности и ласок, и занятия любовью, пусть и в одной миссионерской позиции, нисколько его не пресыщали. Макс жадно пил из этого застенчивого сосуда любви и все никак не мог утолить свою жажду. Иногда ему казалось, что Ева земное воплощение Афродиты – богини юности и любви.

Вообще-то её звали Евгения.

Женя. Женечка. Но Макс настойчиво звал её Евой. И вовсе не потому что она стала его первой девушкой. До встречи с ней, у Макса уже была завидная коллекция интимных побед и репутация опытного дамского угодника. Однако, как сам себе признавался молодой человек, Ева была первой девушкой, которую он был искренне рад видеть по утрам рядом с собой, в одной постели, вот уже страшно подумать сколько времени. Ему нравилось наблюдать как без-

защитная во сне девушка, смешно морщит слегка вздернутый носик, когда первые солнечные лучи, пробившись сквозь неплотно прикрытые шторы, ложились на её прелестное лицо. Он мог бесконечно долго смотреть как подрагивают во сне кончики её алых губ, слегка приоткрытого рта, слушать её тихое ровное дыхание, наслаждаться ароматом её выющихся русых локонов, струившихся по оголенным плечам.

Может это раннее неиспытанное чувство родилось в нем из-за того, что как раз-таки он стал своеобразным «Адамом» – её первым мужчиной? Кто знает?! Однако факт оставался фактом – Макс уже давно и всерьез подумывал о том, чтобы сделать Еве предложение. Тем более, что Боб – для всех остальных Владимир Владимирович, его друг детства и главный собутыльник, готовый в любое время суток составить ему компанию – пригласил сегодня их с Евой на вечеринку по поводу своей помолвки. Так что не грех было подумать о создании и своей собственной ячейки общества, тем более, что кандидатуры лучше Евы Макс и представить себе не мог.

Мысли о дружеской вечеринке, на которую он был приглашен с любимой, и последующей ночи с нежными объятиями и сладкими поцелуями, разогнали подступившую было хандру. Макс даже начал насвистывать какой-то навязчивый забавный мотивчик, когда внезапно раздался зуммер внутренней связи. На экране высветился номер секретарши директора фирмы, которая спешила напомнить ему еще об одной головной боли – квартальном отчете за его отдел.

По возвращении из отпуска Макс в первый же рабочий день был вызван на «ковер», где ему недвусмысленно дали понять, что он будет в буквальном смысле «изнасилован» (причем подобные «угрозы» со стороны руководителя фирмы стали поступать практически с самого начала работы Макса в этой самой фирме) если отчет, который он должен был представить еще месяц назад, не ляжет на стол босса к концу недели. Вот уже и конец недели, а воз пока что был и ныне «там». Ну, в смысле, не готов отчет, если кто не понял.

Удрученно вздохнув, Макс нажал кнопку громкой связи на телефоне.

– Что, Анжелочка, ангелочек, соскучилась по мне?

– Само-собой, Максим Глебович, скучаю тут в одиночестве, все жду-жду, когда вы, наконец, на меня внимание обратите, – флиртуя, ответил динамик звонким с металлическими нотками голоском секретарши и, перейдя на деловой тон, произнес: – Максим Глебович хочу напомнить, что вам назначено на девятнадцать ноль-ноль представление отчета. Через пять минут вы должны прибыть к директору. Пожалуйста не опаздывайте!

– Большое тебе, Анжелочка, человеческое спасибо за напоминание. Уже иду!

Макс еще раз глянул сквозь панорамное окно на поникший город, затянул петлю галстука на вороте белоснежной сорочки и, достав из стола еще весьма и весьма сырой отчет (и как с него лужа в ящике не набежала), направился на «ковер» к своему суровому «озабоченному» боссу.

Войдя в приемную, Макс улыбнулся и ободряюще подмигнул застигнутой врасплох секретарше.

Анжелочка почти закончила прихорашиваться, лишь осталось подкрасить губы (чуть-чуть не успела до прихода Макса) и поспешно смахнув в ящик стола темно-сливовую помаду, карандаш того же тона и блеск для губ, скрывая неловкость улыбнулась визитеру в ответ.

– Ждет, Максим Глебович! Ждет! – не давая Максиму времени на домыслы, секретарша показала глазами на дверь, дав понять, что докладывать начальству о его прибытии нет надобности.

Выйдя из-за стола секретарша подошла почти вплотную к Максиму, якобы для того, чтобы поделиться с ним страшной тайной.

– Сегодня наш босс зол как собака! – томно прошептала Анжелочка, едва не касаясь его уха своими пухлыми губками, от которых исходил еле уловимый запах земляники. – Держитесь Максим Глебович, я мысленно рядом с вами.

Макс покосился и задержал взгляд на слегка приоткрытых губах девушки – цвет спелой сливы с четкими очертаниями контура и вызывающим блеском на кончиках, ненавязчиво намекал, что их обладательница готова к экспериментам, но не выходя за рамки относительного приличия (ключевое слово – относительное).

– Спасибо, Анжелочка, наш фирменный ангелочек, за сострадание и моральную поддержку, – отвел он, наконец, взгляд от девичьих губ и удрученно взглянул на дверь за спиной секретарши. – Поверь, я этого никогда не забуду.

Скорчив страдальческую мину, Макс отворил дверь и вошел в кабинет.

– Адалина Эдуардовна, разрешите?

Макс окинул взглядом кабинет директора. За прошедшие пять дней, когда он был здесь последний раз, в кабинете решительно ничего не изменилось, как, впрочем, и за те полгода, что он работал в фирме. Большой добротный стол руководителя из клена с двумя скругленными брифинг-приставками по бокам и приставленным торцом к его центру конференц-столом на дюжину мест, вместе образующие витиеватую букву «Т» в центре кабинета. Офисный шкаф в углу, внутри которого – Макс знал это из достоверных источников – установлен сейф со всей самой важной документацией фирмы: договорами, «серой» бухгалтерией, списками клиентов, компроматом на конкурентов и сотрудников, а также тому подобными «секретными материалами». Несколько полок на стене, расположенных в четко выверенном дизайнерами «хаотичном» порядке, между которыми развешаны черно-белые, под «винтаж», фотографии городских пейзажей столиц мира. На полках изысканные сувениры от иностранных и отечественных партнеров. У входа, справа от двери, большой кактус в напольном горшке. Слева, в таком же горшке, карликовая пальма. И, в качестве изюминки, установленный около витражного окна мягкий уголок, состоящий из двух глубоких кожаных кресел со стеклянным столиком между ними.

В одном из этих кресел Макс и обнаружил своего босса.

– А-а, Максим, это ты? Проходи! Присаживайся!

Директор фирмы, а если быть гендерно точным – директриса, Адалина Эдуардовна, кивнула ему на соседнее кресло и вновь устремила мрачный взгляд на мокнувший внизу город. Макс сразу понял, что настроение у директрисы сегодня, мягко говоря, элегическое. В подтверждение его догадки, на столике стояла открытая бутылка эксклюзивного бренди и два стакана, один из которых был наполовину полон, или наполовину пуст – это с какой стороны смотреть на всю эту алкогольную философию.

Максим не заставил себя приглашать дважды, а покорно подошел ко второму креслу и скромно, как и полагается подчиненному перед начальником, присел на самый его край. Макс всегда чувствовал себя в присутствии Адалины Эдуардовны скованно. Эта властная женщина своей харизмой и напористостью заставляла окружающих, в особенности сотрудников своей фирмы, чувствовать себя дискомфортно, как говорится не в своей тарелке.

Правда, надо отдать ей должное, директриса в свои «слегка за сорок пять» была не только успешной бизнес-вумен, с железной хваткой и деловым чутьем, но и чертовски эффектной дамой. Стройная и подтянутая (фитнесс!), ухоженная (лучшие салоны красоты!), если не сказать холеная (спа-салоны и пластические процедуры в разумных пределах!) Адалина Эдуардовна в любое время дня и ночи выглядела сногшибательно. И к тому же она была довольно состоятельной леди. Просто воплощенное дьявольское искушение! И данное «искушение» проявляло неподдельный интерес к своему сотруднику, совсем недавно, с её высочайшего благоволения, «авансом» назначенному начальником отдела маркетинга, о чем Максиму было доведено практически прямым текстом.

Положа руку на сердце, если бы, не знакомство Максима с Евой, практически совпавшее по времени с его переходом в фирму Адалины, он бы наверняка без особого внутреннего протеста позволил своему эффектному боссу соблазнить себя и неоднократно совершить над собой действия сексуального характера. А так он позволял себе лишь со стороны украдкой поглядывать на аппетитные формы директрисы, предпочитавшей строгие и, вместе с тем, выглядевшими на ней довольно сексуально, деловые костюмы и мысленно кичится тем, что эта интересная во всех смыслах дама интересуется его персоной, пусть и в качестве очередной интимной игрушки. Строптивой игрушки.

– Что у тебя? – директриса вновь глянула на Макса.

– Адалина Эдуардовна я тут... э-э, отчет, так сказать, приготовил. Эм-м, в целом. Тут кое-что еще перепроверить по цифрам... А так он почти...

– Макс, хватить ездить мне по ушам, – отнюдь невесело усмехнулась начальница. – Я же знаю, что он у тебя не готов.

– Нет-нет, он готов... ну как-бы... практически...

– Все! Помолчи! – Адалина Эдуардовна подняла руку. – Даю тебе еще неделю. Войдешь в колею после отпуска и полностью перепроверишь, что там тебе подсунули твои вертихвостики.

– Понял! Войду! Проверю! Перепроверю! – с готовностью откликнулся Макс, не веря своей удаче.

Директриса, кажись, сама выбилась из колеи. Сегодня она вовсе не была похожа на ту властную стерву, какой её привыкли видеть окружающие. Макс впервые видел её такой – необычайно спокойной, задумчивой, какой-то усталой – то есть обычной женщиной, только в брендовом костюме, с дорогим парфюмом, элегантной прической, безупречными макияжем и маникюром.

Неужели на неё так подействовал этот первый осенний дождь?!

В это трудно было поверить!

Даже её сдержанные тонкие губы, выдававшие в ней властного деспота, и которые она всегда старалась визуально увеличить строгими благородно-матовыми помадами карамельных оттенков, в этот раз лоснились светло-коричневыми, почти бежевыми отливами.

Хм! Директриса сегодня явно готовилась пуститься во все тяжкие.

Предположение оказалось верным.

– Давай-ка, сегодня не будем о делах. Лучше выпей со мной Максим! – женщина постукала искусно разукрашенными ноготками по хрустальному бокалу, давая понять Максиму, что надо бы обновить его содержимое.

– Вообще-то я за рулем, Адалина Эдуардовна, – попытался отказаться Макс от предложения, наполняя бокал директрисы.

– Что-то я сомневаюсь, чтобы такая мелочь как руль тебя когда-нибудь останавливала от хорошей выпивки? – не менее прозорливая Адалина окинула Макса насмешливым взглядом.

«В принципе, да!» – мысленно согласился с ней Макс, молча налил бренди во второй бокал и поднял его.

– За что пьем, Адалина Эдуардовна?

– За любовь! За что еще могут пить очаровательная дама бальзаковского возраста и... – женщина с грустной иронией оглядела Макса, – такой вот кавалер как ты? Давай за её родимую!

– Как скажете!

Макс легонько коснулся своим бокалом бокал директрисы и сделал хороший глоток. Дорогое бренди приятно обожгло пищевод, оставляя легкое послевкусие горького шоколада.

– Я извиняюсь, Адалина Эдуардовна, за назойливость, но не могу не спросить.

– Спрашивай!

– У вас что-то случилось?

Директриса смерила Макса оценивающим взглядом и, видимо что-то для себя решив, честно призналась.

– Да, случилось! Случилось, Максим!

Она вздохнула и вновь постучала ногтем по почти пустому бокалу. Макс проворно долил в оба.

– Сегодня ко мне подошел один молодой человек и заявил, что хочет жениться, – как-то совсем безрадостно поделилась своей новостью Адалина.

Макс застыл с бокалом в руке. Насколько он знал, его начальница была вдовой. Муж её, крутой по слухам мужик, попал под раздачу уже в не такие лихие, как девяностые, но и ненамного спокойные двухтысячные. Он получил свою контрольную пулю в голову аккуратно на стыке двух тысячелетий, под самый новый год, оставив супруге солидный первоначальный капитал и полуторагодовалого мальчика. И, как полагали все мало-мальски знавшие непостоянный нрав Адалины, благодаря своей сильной и властной натуре, ей не светило найти еще одну вторую половину, которая согласилась бы связать себя священными узами Гименея, читай – попасть под её тяжелый и острый каблук.

А тут такая новость! Какой-то агнец божий по собственной воле собрался пойти к алтарю с этой утонченной стервой.

– П-поздравляю! – наконец опомнился Макс. – И кто этот счастливчик?

– Кто-кто... мой сын! – криво усмехнулась директриса и залпом осушила содержимое своего бокала. – Ху-х!

– А-а, понятно! – протянул Макс. Он совсем упустил из виду, что у Адалины Эдуардовны имеется сын «Ильюша» – двадцатилетний разбалованный студент-оболтус, классический образец безотцовщины, воспитанный властной и в тоже время балующей, бесконечно любящей его женщиной.

И тут Адалину словно прорвало.

– Ты представляешь Макс, эта «белая и пушистая» сучка, его однокурсница – я даже имя её не запомнила, да и видела-то пару раз, когда Ильюша выводил её из своей комнаты. Поначалу я значения не придавала этой фифе, думала очередная подстилка. А вот поди же-ты, все-таки умудрилась окрутить моего лопушка. Он даже и слушать ничего не хочет. Женюсь, говорит, даже против моей воли. А она, стерва, масла в огонь подливает. Любовью его несуществующей охмуряет. Ножки раздвигать научилась и думает, что сможет пожить хорошо за мой счет, лимита! Вонзила свои коготки в моего воробышка бестолкового. Думает слопать его, кошка драная.

Максим мысленно ухмыльнулся тому как быстро «белая и пушистая сучка» в короткой, но темпераментной речи босса стала «кошкой драной», а вслух произнес:

– Ну, зачем вы так сразу, Адалина Эдуардовна. Может у них и впрямь любовь.

– Макс, не смейся мои лабутены, – грустно усмехнулась директриса. – Ты, по моим данным вроде далеко не божий одуванчик. Должен знать, что к чему. Хотя ты тоже плохо знаешь женщин. Они все, поверь мне, все до одной стервы! Даже те, кто с виду «белые и пушистые». В особенности они! Потому-что вашему мужскому племени в таких вот «ангелочках» еще труднее распознать хладнокровную расчетливую стерву. Вот и попадаетесь на крючок. Как мой бестолковый Ильюша. Который и мать родную готов послать куда подальше.

Раскрасневшаяся от эмоционального монолога директриса осушила очередной бокал бренди. Макс составил ей компанию и разлил остатки элитного алкоголя по бокалам.

– Поверь мне Макс, бабам, особенно красивым, верить нельзя. Ни в коем случае! Мне можно! Другим нельзя. Мне тебя обманывать незачем! Ведь так?

– Так! – кивнул Макс, мысленно отметив, что как-то уж довольно быстро она перешла с обсуждения своей потенциальной невестки, на его персону.

– Я немного старше тебя и опытнее... во всем, – недвусмысленно продолжила Адалина. – И хорошо разбираюсь в людях. Я чувствую, что у тебя хороший потенциал (ему послышалось как – хорошая потенция). Ты запросто можешь стать начальником сектора. Я знаю, ты справишься. Надо только немного поработать над этим.

«Покупает! Боже мой! Как проститутку меня покупает!» – мысленно констатировал факт Максим, впрочем, не особо расстраиваясь по этому поводу. Его самолюбию это даже импонировало.

– Я буду стараться, Адалина Эдуардовна! – ответил Максим, делая вид, что не понимает куда клонит босс.

– И правильно! Старайся, Макс! – хищно оглядела собеседника директриса. Как она ещё сдержалась и не облизнулась.

Выдержав небольшую паузу, она продолжила:

– Максим, ты меня не первый день знаешь, я женщина прямая, не глупая, не жадная и... плохого тебе не посоветую.

– Угу! – кивнул тот, – Знаю!

«Кто бы спорил».

– Так вот, Максим, советую: бросай все и поехали прямо сейчас со мной на дачу. На носу выходные, а мне сейчас нужно, чтобы кто-то побыл рядом. В такую промозглую погоду баньку затопим, погреемся, попаримся. У меня там еще есть хороший алкоголь. Полный холодильник закусок. А какой воздух там. Речка. Тишина. Лес кругом. Красота! Поехали, а-а? Охранника в город отправим. Ни одной живой души рядом с нами не будет.

Адалина Эдуардовна резво перегнулась через столик, положила холеную руку Максиму на колено и... хищно впиалась ногтями в ногу. Максим, в этот момент отхлебывавший из стакана, поперхнулся и едва не захлебнулся от неожиданности.

Поставив бокал на столик, Максим откашлялся и взял руку подвыпившей директрисы в свою. Почти искренне сожалея (вот же чертова искусительница!), он произнес:

– Уважаемая, Адалина Эдуардовна! Поверьте, при всем моем желании не могу. Меня сегодня лучший друг пригласил на свою помолвку. Я иду туда со своей девушкой.

Макс внутренне сжался, ожидая, что директриса обрушит на него сейчас свой гнев, гнев отвергнутой женщины и к тому же начальницы, но эта неординарная во всех отношениях женщина его вновь удивила.

– Дурак твой друг и ты дурак, Максим! – спокойно ответила она, опять откинувшись в кресле. – Он потому что ярмо на шею вешает. Ты... ты сам знаешь почему. Не доверяйте женщинам! Это я тебе как женщина говорю! Они вас имеют, а вы и рады, думая, что это вы их... хм... имеете! Я за это хотя бы отблагодарю. Все по-честному. Ну да ладно, утомил ты что-то меня, глупый, глупый мальчишка.

«Как скажете, мудрая женщина!»

– Так я пойду, Адалина Эдуардовна?

– Иди Макс, и хорошенько подумай над моими словами. Иди, иди! И отчет свой не забудь забрать.

Схватив стопку бумаг Максим поспешно выскочил из кабинета. Кивнув едва успевшей отскочить подслушивавшей у двери секретарше, он выскользнул из приемной, пока директриса не передумала и не велела Анжелочке вернуть его, чтобы поставить вопрос интима категорическим ребром. В таком состоянии как сейчас, она могла запросто и уволить Максима, в случае его окончательного и бесповоротного отказа. А выбора у него как такового не было. Дома ждала любимая женщина.

Молоденькая секретарша Анжелочка проводила «Максима Глебовича» многозначительным чувственным взглядом, и уже потом ревниво «испепелила» суженными глазами дверь

директрисы. Она понимала, что перед богатой и эффектной Адалиной у неё лишь одно преимущество и то сомнительное – её молодость.

Забежав на минутку в свой офис, чтобы выключить компьютер, забрать ключи от автомобиля и накинуть пиджак, Макс задержался около окна, полюбоваться открывшейся панорамой. Опустившаяся на город мгла скрыла промозглую серость улиц, на смену которой разноцветными светлячками зажглись огни соседних высоток, рекламных вывесок и экранов, уличных фонарей, мерцающие квадраты отдаленных кварталов. Отсветы городских огней играли на низких тучах размытыми мазками, из-за чего вечерний пейзаж выглядел гораздо позитивней, чем его «негатив» при свете дня.

Макс уже собрался уходить, как в завываниях ветра ему почудился тихий с присвистом шепот – «шуу... ищу-у... ищу-у» – словно кто-то невидимый шептал, стоя прямо за окном в тени перегородки. Макс прекрасно осознавал, что это всего лишь игра его того самого богатого воображения, усугубленного хорошей порцией бренди, и что никакому самому свихнувшемуся экстремалу и в голову не взбредет забраться на такую высоту, ради того, чтобы шептать из темноты всякую чушь. Однако ему все-равно стало не по себе, уж слишком явственно был слышен этот недружелюбный шепот. Сам того не желая, и понимая, что это полный бред, Максим все же приблизился к окну вплотную и наклонил голову, прикрыв её руками, чтобы не отсвечивало отражение – исключительно для того, чтобы удостовериться, что за стеклом никого нет. Но только приблизил он лицо к стеклу как вдруг с другой стороны на окно легла раскрытая ладонь.

Что за черт!

Макс машинально попятился прочь, опрокинув стоявшее на его пути офисное кресло на колесиках и сбив рукой со стола стопку бумаг. Отойдя на несколько шагов, он, наконец, рассмотрел, что прильнуло к окну. Максим нервно рассмеялся, мысленно ругая себя за излишнюю почти «девчачью» впечатлительность.

К мокрому стеклу прилип желтый кленовый лист.

– Долбаный цветик-одноцветик! Тьфу на тебя!

Лист, сорванный порывом ветра с одного из высаженных в ближайшем сквере кленов, и в самом деле похожий на хищно растопыренную пятерню с острыми когтями, был поднят вихрем над городом и после непродолжительного кружения брошен аккурат в его окно.

Макс нервно сглотнул. Какое дурацкое совпадение!

Стараясь больше не смотреть в окно, он поднял кресло, быстро собрал разбросанные на полу листы, бросил их на стол и покинул офис.

Пробравшись между радужными лужами на стоянке к машине, Макс юркнул в салон и повернул ключ зажигания. Статусный внедорожник ожил и приглушенно зарокотал спрятанным под капотом движком. Ожидая пока прогреется мотор Макс включил музыку и, приоткрыв окно, прикурил сигарету от прикуривателя. Из динамиков полились мягкие переливы блюза, а дым от сигареты, клубясь, поплыл сквозь щель в окне в промозглую мглу.

«Блюз осеннего вечера», – делая очередную затяжку, мысленно отметил Макс, стараясь привести мысли и чувства в порядок. Абсурдное недоразумение в офисе не лучшим образом отразилось на его настроении. Сколько себя помнил, он никогда особо не верил в приметы и считал себя человеком не суеверным, но этот злополучный лист-лапа и послышавшийся в шелесте ветра зловещий шепот произвели на него сильное впечатление, всколыхнув в душе предчувствие приближения чего-то весьма нехорошего – необъяснимое и вместе с тем почти осязаемое, но до поры растворенное в воздухе предчувствие беды.

Боковым зрением Макс увидел в зеркале заднего вида промелькнувшую тень и тут-же в окно с его стороны настойчиво (и вновь внезапно!) постучали. И так находясь на взводе, Максим отшатнулся, выронив из пальцев зажженную сигарету.

– Твою бабушку! Тебя еще не хватало, – процедил сквозь зубы Макс, увидев в окне смазливую мордашку секретарши Анжелочки и полез под руль искать упавший окурочок.

– Максим Глебович, как хорошо, что вы еще не уехали! – затараторила, мокнушая под дождем Анжелочка. – Я зонтик дома оставила. Думала, ну все пропала, до остановки смоет с меня всю красоту писаную, а тут смотрю ваша машина стоит, подмигивает мне габаритами. Не подвезете?

Подобрав окурочок, Максим выбросил его через приоткрытое окно и нехотя кивнул Анжелочке, чтобы садилась в машину. Пару раз он уже подкидывал бойкую девчонку после работы, благо было по пути, поэтому решил, что с него не убудет, если сделает небольшой крюк и подвезет коллегу.

– Большое спасибо, Максим Глебович! – довольная Анжелочка удобно устроилась на соседнем кресле. – Вот вам и последний день лета, да?! Погода просто жесть какая фиговая, хотя в интернете написано, что должно быть ясно, сухо и тепло.

– Пристегнись, красота писаная!

Макс снисходительно усмехнулся и аккуратно вывел автомобиль со стоянки на проезжую часть.

Всю дорогу пока Макс курсировал по улицам города до дома Анжелочки, та щебетала как утренняя канарейка, то поругивая их общую начальницу, то похваливая своего «спасителя». Максим догадывался, что секретарша испытывала к нему, как к одному из немногих адекватных мужчин их в основном женского коллектива, некое влечение, возможно даже кое-какие чувства. Трудно было не догадаться, если оба раза, когда Макс подвозил секретаршу, Анжелочка, невинно хлопая длинными ресницами похотливых глаз, приглашала его к себе домой «на чашечку чая». Да и на работе не упускала случая, чтобы продемонстрировать ему свое особое расположение.

Но если Адалина Эдуардовна с высоты прожитых лет видела в нем симпатичного молодого человека, то девятнадцатилетней Анжелочке Максим в своих стильных, скроенных строго под него, костюмах казался взрослым, вполне респектабельным мужчиной, с которым не стыдно было «замутить».

Максим, в свою очередь, считал их с Анжелой взаимоотношения забавной игрой, не воспринимая намеки не по годам раскованной, но все же глупой и наивной девчонки. Да с большой грудью, да с длинными «от ушей» ногами, но все-таки девчонкой.

Остановив автомобиль напротив нужного подъезда, Макс протянул девушке руку для прощания.

– Ангельская куколочка нашей фирмы доставлена в целостности и сохранности. Прошу с вещами на выход!

– Максим Глебович, может хоть в этот раз заглянете на пару минут? – Анжелочка просительно заглянула ему в глаза, задержав свою руку в его руке. – Должна же я вас хоть чаем отблагодарить. У меня варенье клубничное есть, вкусное.

Девушка эротично закусила нижнюю губу отбеленными до жемчужного блеска зубами, но и этот практически не дающий осечки «фокус» не поколебал её «спасителя».

– Дорогая Анжелочка, благодарю за приглашение, – виновато улыбнулся Максим, он то знал, что одним вареньем «вечер отблагодарения» не ограничится, а попробовать другую «клубничку» ему сейчас не было ни времени, ни желания. Особенно желания. – Я бы с превеликим удовольствием, но, к превеликому сожалению, опаздываю. Давай как-нибудь в другой раз. Хорошо?!

– Ловлю на слове, Максим Глебович, – разочарованно протянула Анжелочка и, внезапно чмокнув Макса в щеку, выбралась из машины, все еще маня его много-премногообещающим взглядом. – Или, зайдете?

Макс только ободряюще ей подмигнул, дескать, не отчаивайся и, дождавшись, пока недовольно засопевшая девушка захлопнет дверь, сорвал с места свой «паркетник», чтобы не дай бог, не поддаться чарам юной распутницы.

Ведь дома его наверняка уже заждались.

Он еще не успел убрать палец от кнопки звонка, как дверь в квартиру распахнулась.

Неужели она ждала его у дверей? Или увидела в окно как он парковал машину во дворе и поспешила открыть?

– Ну, наконец-то! – выдохнула Ева с укоризной поглядывая на Макса. Она уже была в полной боевой готовности – одета в белое вечернее платье с лиловым отливом, причесана и накрашена. Вечерний неброский макияж, в котором Ева всегда делала акцент на глазах, окрашивая губы в беспроегрывный естественный цвет – розовый, подобранный под цвет десен.

– Привет, солнышко! Ты что меня около дверей караулишь?

– Максим, давай быстрее в душ, смени рубашку, я твою любимую погладила, в спальне на плечиках висит, нам надо ехать, – проигнорировав вопрос, сказала Ева. – Виктор с Анной приглашали к восьми, а уже почти девять. Еще обидятся!

– Я им обижусь! Так обижусь! ...

Макс шагнул в прихожую и поцеловал Еву в щеку.

– Ты что выпил?

Девушка поморщила носик.

– Совсем немного. На работе с коллегами перед выходными раздавили крохотную бутылочку бренди, – признался Макс, благоразумно не став уточнять, что коллега был один и тот начальница. – Не переживай! Это исключительно для запаха, дури у меня своей хватает.

– Макс, это не шутки, – упрекнула его Ева. – Ты же сел за руль! Пусть даже с запахом! Не дай бог, что случится!

– Болван, согласен! Виноват! Не подумал! Такого больше не повторится! – видя, что Ева искренне переживает за него, Макс решил не препираться и «посыпал голову пеплом». – Обещаю! Наше чудное лето сегодня проводим и все на этом. Осень пора серьезная, дело мокрое, не до пьянок-гулянок будет.

Нахмуренные брови девушки, тонкие и изогнутые как лебединые шеи, распрямились. Взгляд потеплел.

– А это что, помада?!

Ева увидела на правой щеке Макса еле заметный отпечаток женских губ, настолько неприметный, что разглядеть его мог только зоркий женский глаз. Её тонкие брови вновь изогнулись в две лебединые шеи.

Макс удивленно глянул в висевшее в прихожей зеркало.

Как она увидела?! Он же в машине, в зеркале заднего вида специально разглядывал, ничего не увидел. Вот что значит женская наблюдательность. Надо отдать ей должное.

– Солнце мое, вот это точно пустяк! – стараясь сохранять спокойствие и говорить, как можно непринуждённое, произнес Макс. – Вот, как на духу! Коллегу, будь она неладна, подвез, чтобы под дождем не мокла, так эта дуреха меня, как Гитлер, без объявления и чмокнула в щеку, в знак дружеской благодарности, уже, когда выходила. Я даже ни блок не успел поставить, ни уклониться не успел.

– Или не захотел? – все еще с недоверием, но уже с озорной улыбкой на устах, поинтересовалась доверчивая девушка.

Видя, что настроение у любимой не сильно упало, Максим воспрянул духом и пошел ва-банк:

– Ева, милая, поверь мне на слово, ежели бы я опустил до такого, что затеял на «преступление» идти, то уж точно опосля и закусил бы чем-нибудь запахом отбивающим, и все улики устранил бы тщательнейшим образом. Повторяю – при условии, если бы захотел «налево». А это всего лишь глупое недоразумение, не стоящее чтобы мы тратили на него время и нервы. Особенно время. Я же только тебя люблю! Ну-у, зайка!

Ева внимательно посмотрела в «честные» глаза своего возлюбленного. Макс выдержал, не отвел взгляд, продолжая улыбаться своей обезоруживающей улыбкой невинного евнуха, которую он в свое время долго оттачивал перед зеркалом исключительно для того чтобы вводить в заблуждение своей «простотой» и «наивностью» очередную дурочку. Но сейчас ему пришлось прибегнуть к этому секретному оружию в менее корыстных целях, а именно заставить «высокий суд» поверить в свою невинность.

И это сработало!

Женская интуиция и честные глазенки «подозреваемого» в купе с улыбкой агнца подсказали Еве, что Макс говорит чистую правду. Нет у него никакой интрижки на стороне.

– Невиновен! – вынесла девушка полушутливый вердикт и провела рукой по шевелюре Макса, что воспринялось последним как выражение доверия и любви с её стороны. – Давай, мой самый востребованный работник года, приводи себя в порядок быстрее. И так опаздываем!

– Засекай три минуты! Я мигом!

Обрадованный Макс, поцеловал Еву в губы и рванул в душ.

– Только машину поведу я! – крикнула ему вслед Ева, поправляя платье и причёску перед зеркалом.

– Как скажешь, солнышко! – крикнул Макс из душа, откуда уже слышался шум водяных струй. – Только тогда мы точно появимся к окончанию вечеринки!

Он всегда подшучивал над её аккуратной и неспешной манерой езды.

– По крайней мере хоть появимся, а не угодим в аварию, – парировала Ева, которая, в свою очередь, всегда выказывала недовольство его агрессивным стилем вождения.

Макс ничего не ответил, он вытирал голову махровым полотенцем и попросту не расслышал её слов. Спустя минуту он уже застегивал сорочку и натягивал брюки. Еще пару минут и Максим, облачившись в подходящий случаю пиджак и обув лакированные туфли, тоже заглянул в зеркало, около которого все еще крутилась Ева.

– Отличная пара, тебе не кажется? – кивнул Макс на зеркало, где теперь отражались они оба.

– Да, парочка и впрямь хороша, – согласно кивнула Ева, отчего отведенные назад волосы вновь рассыпались по её плечам. – Ну что мы едем?

– А то! – Макс открыл дверь, пропуская девушку. – Только после вас, сударыня!

Ева взяла с тумбочки ридикюль и вышла из квартиры. Макс подмигнул своему отражению в зеркале, присмотревшись внимательнее, погрозил ему пальцем и последовал за своей очаровательной спутницей, которая уже заходила в вызванный лифт.

Для вечеринки Боб и Анна сняли небольшой банкетный зал в одном из гостинично-ресторанных комплексов на набережной. Зал располагался на верхнем, четвертом, этаже комплекса и имел выход на большую открытую террасу с козырьком. С террасы открывался великолепный вид на липовую аллею вдоль набережной и реку, в которой по вечерам отражались огни левобережья.

Как и предполагал Макс, благодаря тому, что за рулем автомобиля была Ева, опоздали они с хорошим, даже можно сказать с рекордным временем. Больше чем на два часа. Даже по меркам их дружной компании это был перебор. Гости и виновники торжества были уже

в довольно хорошей кондиции, поэтому даже слушать ничего не захотели, а сразу налили опоздавшим по «штрафной». Зная, что Ева практически не пьет, ей преподнесли символический бокал шампанского и, зная, что Макс пьет практически все и не морщится, ему преподнесли такой же фужер водки. Макс с улыбкой на лице, принял наполненный до краев фужер из рук обрадованного их приходом Боба. Ева попыталась было протестовать, причем против «штрафа», присужденного Максиму, переживая, в первую очередь, за его здоровье, но подвыпившая толпа веселых гостей пресекла её слабые потуги на корню. Боясь, как бы и ей не пришлось осушить бокал, девушка лишь пригубила из фужера и отошла в сторону, оставив Макса один на один с жаждающей представления толпой. Ведь, по существу именно он был виновником опоздания, задержавшись на работе и подвозя какую-то «голодную» стервочку до дома. Вот пусть и отдувается за обоих.

– Я поднимаю это бокал за здоровье моих друзей, Боба и Анны, – абсолютно не опечалившись предстоящей «пытке», произнес Макс, глядя на друга обнимавшего свою будущую невесту. – А также наношу коронный удар по своей печени, за здоровье всех присутствующих здесь моих друзей, приятелей, товарищей, в общем всех, кого я знаю, а также за тех из присутствующих, с кем еще не знаком, ибо все приглашенные суть друзья моего друга, а значит и мои друзья. За вас, мои хорошие!

С этими словами Макс поднес фужер с водкой ко рту. В зале воцарилась тишина. Все замерли в ожидании зрелища под рабочим названием «шоу пожирателя водки». Макс выдохнул и стал пить сорокаградусный напиток большими глотками.

Один, два, три...

Кое-кто из уже подвыпивших мужчин невольно сглотнули набежавшую слюну.

Четыре, пять, шесть...

Практически все девушки, включая Еву и Анну, и даже несколько мужчин непроизвольно скривились, продолжая наблюдать за «мучениями» Макса.

Семь, восемь, девять...

Особо впечатлительные дамы отвели взгляд от этого «душераздирающего» зрелища.

Десять!

Десять глубоких глотков понадобилось Максиму, чтобы осушить фужер. И он, красавчик, даже не поморщился.

– На счастье! – все с той же улыбкой произнес Максим и разбил пустой фужер об пол.

Не успел стихнуть звон разбитого хрусталя, как зал взорвался аплодисментами. Зрелище гостям, даже слабонервным, пришлось по вкусу. Знакомые Макса и Евы кинулись их обнимать. Теперь-то можно было и поздороваться с опоздавшими штрафниками, проявившими соответствующее уважение к их «благородному собранию».

Только спустя несколько минут, когда заиграла музыка и народ пустился в пляс, Ева смогла вырвать Максима из толпы и усадить за стол, где для них были забронированы места, напротив которых стояли нетронутыми салаты, блюда с нарезками и другие закуски.

– Ешь, давай, звезда оригинального жанра! Да, побольше! – произнесла Ева, пододвигая Максиму тарелки с едой. – А то не ровен час, покажешь еще здесь номер «чревоушителя». Стыда не оберемся.

– Ну, не наговаривай! – усмехнулся Макс, находясь в прекрасном расположении духа (еще бы!). – Я нас н-не, подведу! И вообще-це!

– Помолчи и ешь! – тоном, не терпящим возражений, произнесла Ева.

Макс глянул на свою подругу, все предельно правильно понял и стал молча есть под её влюбленным, но тем не менее пристальным взглядом.

– Вот и молодец! – похвалила его Ева.

Из группы танцующих выпорхнула раскрасневшаяся Анна, подскочила к ним и, чмокнула по-дружески Макса в щеку. На том месте, где совсем недавно Ева обнаружила отпечаток Анжелочкиных губ, теперь красовались лиловые «лепестки», оставленные губами Анны.

– Макс, ну ты молодец! Могёшь! – Анна практически повторила слова Евы, только вместо сарказма, её похвала была искренней. Полюбовавшись отпечатками своих губ, Ана взяла салфетку и стерла следы помады с щеки Макса.

Она обняла Еву и глянула на его кавалера.

– Я украду у тебя эту куколку?

Макс развел руками, дескать – нет проблем, бери на сколько надо.

– Вот и отлично! Ева мне надо с тобой о кое-чем посоветоваться. Ты обалдеешь! ...

– Ешь и никуда не уходи! – наказала мужчине Ева на правах его девушки. – Мы ненадолго.

– Ага, только носики припудрим! – хмыкнула Анна и увлекла подругу в женскую комнату, где на диванчиках можно было в тишине поделиться женскими секретами, сплетнями, новостями, ой да чем угодно.

Макс остался в гордом одиночестве.

Продолжая механически поглощать изысканные закуски, он огляделся по сторонам. Основная масса гостей танцевала на мерцающем светомузыкай пятачке перед баром. В центре толпы, под ободряющие крики куражился дружище Боб, в обычные будние дни человек сугубо серьезный и респектабельный. Двое малознакомых парней сидели на противоположном конце закругленного в виде подковы стола и веда неспешную беседу, с завидной периодичностью закладывали за воротники. Одна парочка, не обращая внимания на быструю мелодию танцевала немного в стороне от общей массы медленный танец, сжимая друг друга в страстных объятиях. Еще один мужчина с девушкой, устроившись на одном из диванчиков, стоявших по бокам от выхода на террасу, сидели в обнимку, и также, как и Максим, молча наблюдали за происходящим. Из-за царившего в зале полумрака Макс не мог точно сказать знакомы ли ему или нет, но поняв, что в данный момент они смотрят на него, дружески кивнул и поднял первую попавшуюся рюмку на ножке, которую непонятно кто уже наполнил жидкостью соответствующей крепости. Мужчина поднял бокал с вином, который стоял на подлокотнике дивана и кивнул в ответ. Так, «чокнувшись» на расстоянии, Макс осушил содержимое рюмки. По терпкому послевкусию понял, что это был коньяк. Значит где-то рядом должен быть и лимон. Пошарив глазами по столу и не найдя подходящей закуски, Макс взял горбушку черного хлеба из корзины и с удовольствием занюхал рюмочку. Ржаной дух взбодрил не хуже лимона.

Налил еще одну рюмку. Выпил. Занюхал.

Макс расплылся в блаженной улыбке, почувствовав, как благородный алкоголь подбирается к желудку, согревая пищевод. Его взгляд скользнул по тяжелым портьерам, закрывавшим витражные окна и двери, ведущие на террасу, затем он устремил взор на настенные светильники в виде средневековых подсвечников с электрическими лампочками в виде свечей, горевших приглушенным светом и осмотрел зачем-то лепнину на потолке. Оценив общий неплохой декор зала «под классику», Макс опустил глаза вниз и остановил блуждающий взор на одинокой женской фигуре.

Женщина закинув ногу на ногу, не шевелясь сидела в кресле, стоявшем в дальнем углу зала. Что-то неестественное, а потому интригующее, было в её неподвижности. В её сторону не светили огни светомузыки и светильники-«подсвечники» находились от угла на некотором удалении, так что даму окружал таинственный полумрак и лица её никак нельзя было разглядеть. Все что видел Макс – это голые плечи, на которых покоились тонкие бретельки вечернего платья, тонкая шея и удлиненное каре с длинной челкой, которое словно вуалью еще сильнее скрывало черты женского лица. Но Макс, даром что подвыпивший, вполне ясно чувствовал, что она неотрывно смотрит в его сторону. Смотрит, не отводя невидимых в полумраке глаз:

ни на прыгавшего до потолка Боба, ни на двух собутыльников с другого края стола, ни на кого еще из гостей, а именно на него.

Наверное, её тоже поразило его умение хватануть почти «поллитра» за один подход, предположил Макс, стараясь найти объяснение проявленным интересом со стороны пока-что незнакомки. Чтобы не мучиться в догадках Макс решил подойти к ней и познакомиться (а может просто узнать в ней старую знакомую и поболтать о том, о сем).

Заиграла медленная музыка. Разноцветные мигающие под танцевальные ритмы фонари над баром погасли. Закружился под потолком зеркальный шар, разгоняя по стенам отраженные блики. Гости, разбившись на пары стали кружить по залу.

«Приглашу-ка её на танец», – нашел Макс повод подойти к даме.

Промокнув салфеткой губы, он поднялся и уже собрался сделать первый шаг в сторону незнакомки, как к нему подскочила Анна.

– Максик, пока ты тут сидишь как примерный пай-мальчик, с твоей Евой уже мой Боб пляшет.

Макс оглянулся на импровизированный танцпол. Боб танцевал с Евой о чем-то разговаривая и периодически кивая в сторону Макса. Встретившись с ним взглядом, Боб широко улыбнулся и показал глазами на Еву, дескать, всё, теперь он танцует подругу друга. По всей видимости, дружок перехватил Еву когда она возвращалась из дамской комнаты, чтобы тупо подразнить свою чересчур ревнивую подругу. Макс только оскалился на выходку друга и с недовольством глянул на Анну.

– Ну и пусть танцуют, от меня-то тебе что надо?

Он вновь перевел взгляд на сидевшую в кресле женщину. Своей загадочной неподвижностью она как магнит манила его к себе все сильнее.

– Как что!?! – опешила Анна. – Пошли танцевать! Вроде как я здесь виновница торжества. Или мне как дуре тут одной куковать?!

Подвыпивший Макс едва не ляпнул «ну, да», но вовремя сдержался и попытался сформулировать пристойную отговорку. Воспользовавшись заминкой Анна потащила его поближе к паре их половинок.

– Давай покажем всем как надо танцевать медляк! – шепнула Макс на ухо задетая за живое девушка и буквально повисла на нем, прижавшись к своему партнеру всем телом.

– Угу, давай! – ответил Макс, не совсем понимая, о чем бормочет Анна, так как продолжал неотрывно наблюдать за одинокой дамой в кресле, которая, как ему казалось, продолжала не сводить с него глаз.

Боб, увидев, как трется о его кореша Анна, понимающе улыбнулся, даже и не думая устраивать сцены ревности, Ева же, считая танец Макса и Анны излишне неприличным, попыталась привлечь внимание Максима. Тот, увлеченный наблюдением за незнакомкой, пытался одновременно поддержать разговор с Анной и не упустить из виду даму в углу. На все потуги Евы привлечь его внимание, Макс не обращал абсолютно никакого внимания.

Анна внезапно развернулась и, прижавшись к нему спиной, медленно сползла вниз к его ногам. Макс ничего не оставалось делать как подхватить разошедшуюся девушку под мышки и, чтобы как-то перевести её кривляния в шуточную плоскость, поднять Анну на руки и закружиться с ней по залу. Девушка зажмурилась от страха и завизжала, чем рассмешила и Боба, и Макса, и Еву и других гостей. Сделав несколько оборотов на каблуках вокруг оси, Макс остановился и аккуратно поставил Анну на выложенный плиткой пол.

– Вообще чокнутый! – обиженно бросила девушка, шатаясь не столько от кружения, сколько от выпитого. – Макс, ты что ведешь себя как придурок?

Тот примирительно пожал плечами.

– Разве не ты хотела показать всем как надо танцевать?

– Танцевать, а не угробить меня! – парировала Анна.

– Красавцы! Особенно ты Аннель! – гаркнул над её ухом подошедший Боб. – Ты была в буквальном смысле на высоте!

– Еще один конь! – проворчала Анна. – Лишь бы поржать! Меня Макс чуть не уронил башкой в пол, а ты ржешь!

– Брось нить, Аннель. Ничего бы он тебя не уронил. Я Макса с садика знаю, он не такой чтобы взять и долбануть такую красавицу об пол. Макс у нас настоящий джентльмен и дамский угодник... – Боб глянул на шутливо нахмурившуюся Еву и поспешил поправиться: – Был когда-то. Теперь он целиком и полностью под каблучком у Евы.

Максим картинно склонил голову, как бы говоря, что мол так и есть – целиком и полностью.

Ева только покачала головой, а Анна повертела пальцем у виска и обратилась к подруге: – Вот что с этих недоумков взять, кроме анализов? Пошли, дорогуша, носики припудрим.

Ева не хотела вновь оставлять Макса, но Анна даже не дождавшись её согласия потянула подругу за собой.

– Я ненадолго, – крикнула Ева, многозначительно посмотрев на Макса. – Никуда не уходи, милый!

– Угу! – кивнул тот.

– Тяжел каблучок-то! – прыснул Боб провожая взглядом подружек.

– На себя посмотри, семьянин недоделанный, – огрызнулся Макс, второй раз шутка с «каблучком» показалась ему не только не смешной, но даже рассердила.

– Брось, Макс, завидовать! Пойдем тяпнем по рюмашке! – хлопнул его Боб по плечу и пошел к столу, где уже рассаживались запыхавшиеся от танцев гости.

Оставшись в одиночестве Макс бросил взгляд в дальний угол.

– Тьфу ты! – сплюнул раздосадовано.

Кресло пустовало. Незнакомка исчезла.

Макс пошарил глазами по залу ища знакомый силуэт с длинным каре среди гостей, но никого похожего не увидел.

Да и ладно! На фига бы она ему сдалась?!

Почувствовав, что от выпитого и духоты в голове началась небольшая качка, Максим решил выйти на свежий воздух. Предупредив Боба, чтобы его не потеряли, Макс отодвинул портьеру и приотворив французскую дверь, выскользнул на террасу.

В лицо ему ударил свежий ветер, сновавший вдоль набережной. Промозглая прохлада и глоток свежего воздуха взбодрили, приостановив надвигавшийся «шторм». «Качка» немного стихла. В голове прояснилось.

Макс достал сигарету и, прикурив, облокотился на высокий парапет террасы. Моросил, не переставая, дождь. Внизу, в полумраке, тревожно шелестели липы. По черной реке, покрытой мелкой рябью, неслышно скользила длинная баржа, увешанная как новогодняя елка гирляндами фонарей. Внизу на аллее уныло заскулила собака – какой-то безмозглый собачник вытащил в такую слякоть псину на прогулку. Раздался приглушенный окрик и все стихло.

Собака заткнулась. Ветер улегся. Липы перестали перешептываться.

Баржа проплыла и растворилась в пелене дождя. Макс, грешным делом показалось, что даже время остановилось. Он сделал последнюю затяжку и затушил окуроч в пепельнице, стоявшей на перилах в специальной выемке.

За его спиной скрипнула дверь. Кто-то решил составить ему компанию. Максим оглянулся и остолбенел: на террасу вышла та самая знакомка, которая сидела в кресле, а потом неведомым образом исчезла. Наконец Макс, благодаря более яркому освещению от свисавших с козырька плафонов, смог разглядеть знакомку, а то что они знакомы теперь он мог сказать точно – эту женщину он раньше никогда не видел, а то бы наверняка запомнил. Такую очаровашку забыть было бы проблематично. Как истинный ценитель прекрасного, Макс быстро,

но придиричиво осмотрел дамочку, как говорится с ног до головы. Черные туфельки на длинном каблуке. Тонкие икры, обтянутые черными колготками. Черное же обтягивающее вечернее платье, длинной чуть ниже колен, которое подчеркивало все достоинства её фигуры (недостатков, которые нужно было бы скрыть, Макс не увидел). Оголенные плечи, тонкие запястья и тонкие же и длинные пальцы, в которых женщина держала бутылку и две узких рюмки клиновидной формы. Для кого вторая рюмка, Макс даже не гадал – кроме него и её на террасе, по странному стечению обстоятельств, больше никого не было.

Да, что-то отвлекся!

Итак, тонкая шея, обрамленная аккуратным каре. Длинная прядь волос скрывает глаза. Из-под челки виден лишь отблеск огоньков в радужной оболочке. Точенный носик. Остренький подбородок.

Стоп! А это что?!

Это её приоткрытый в обольщающей улыбке ротик! Точнее, её чувственные губы. Губы, покрытые атласной помадой, создававшей легкое переливчатое мерцание. Но даже не магическая роскошь шелка притягивала взгляд Макса и заставила учащенно забиться его сердце, а цвет, да-да, именно цвет её губ. Яркий, насыщенный, где-то на грани желтого и зеленого оттенков, но ближе к тёмно-зелёному. Такой неестественный для женских губ, и такой... манящий.

Цвет лайм – наконец определился Макс и сглотнул от волнения.

Точно!

Губы цвета лайм!

Тем временем незнакомка продолжала медленно приближаться, демонстрируя элегантную походку и грацию дикой кошки. Узкие бедра, казавшиеся крутыми из-за тонкой талии, волнительно покачивались в такт шагам. Но совсем не это заставляло учащенно биться сердце Макса, и даже не глубокое декольте, открывавшее волнующую ложбинку между грудей.

Макс, несмотря на плескавшийся в крови алкоголь, чувствовал, что с приближением незнакомки все сложнее сохранять присущее ему в таких ситуациях олимпийское спокойствие. Опершись спиной о парапет, он скрестил руки на груди, чтобы скрыть внезапно возникшую дрожь в пальцах. Дрожь вождения. Максим понимал, что виной этому губы женщины, точнее их цвет. Чертов цвет лайм! Он не мог отвести глаз от этих дьявольски притягательных губ.

Женщина остановилась около перил в двух шагах от него и, поставив на парапет бутылку и рюмки, искоса взглянула на Макса. Несмотря на промозглую прохладу, женщина не выглядела мерзнущей, наоборот, от её близости Макса бросило в жар.

– Угости сигареткой! – даже не попросила, а больше распорядилась незнакомка. На «лаймовых» губах играла соблазнительная улыбка.

– Да, конечно! – спохватился Макс, выходя из ступора. Её голос, томный, низкий, волнующий, подействовал на него отрезвляюще. Это было не чудное виденье, а живая женщина. Да, довольно обольстительная, вся из себя такая утонченная и грациозная, но... всего лишь женщина.

Взяв себя кое-как в руки, Макс вытащил пачку, выудил из неё (правда не с первого раза) сигарету и передал незнакомке. Затем он зажег огонь и поднес зажигалку к лицу, чтобы пока она прикуривала попытаться получше разглядеть глаза женщины, но его взгляд все больше приковывался к губам. Огонек в его руках подрагивал, выдавая состояние Максима и это не ускользнуло от внимания женщины.

– Благодарю, Макс! – произнесла дама и, сложив губы трубочкой, выдохнула облачко дыма.

Хм! Она знает как его зовут. Подслушала или намеренно навела справки?!

– Не стоит... э-э... мадам... – Макс не знал её имени, поэтому намекнул, что неплохо бы было и познакомиться, раз такое дело.

– Лилит! – представилась незнакомка, поняв намек.

Редкое имя, мысленно отметил Макс, наверняка переделанное, как Аннель из Анны, или Ева из Евгении, и, стараясь выглядеть невозмутимым, поинтересовался:

– Лилит, в смысле Лилия?

– Лилит, в смысле Лилит, – продолжая загадочно улыбаться, в тон ему ответила женщина и медленно облизнула верхнюю губу своим влажным язычком.

– Приятно познакомиться! – хрипло выдавил Максим, чувствуя, как в паху становится тесновато и жарковато.

– О-о! Ты не представляешь как мне приятно, Макс, – промолвила Лилит истомленным голосом сулившим все блага мира. Она видела какой эффект производит на Макса и этот эффект её, по-видимому, вполне устраивал.

Хотя нет. Кажется, ей, как и ему, хотелось большего.

– Ну что, давай за знакомство? – женщина показала на бутылку.

– Категорически согласен! – с готовностью откликнулся Макс, беря в руки запотевшую бутылку. – О-о! Текила! Водочка из голубой агавы, мексиканской лилии! Отличный выбор!

Он совершенно забыл, что всего в нескольких шагах, за дверью и портьерой, находится его Ева, которая, возможно, в этот самый момент ищет его и в любую секунду может зайти сюда. Да, Максу было как-то все равно, что делается сейчас вокруг. Его внимание было целиком и полностью поглощено Лилит.

– Вообще-то, если я не ошибаюсь, к текиле ломтик лайма на закусочку, самое то, – отвинчивая пробку поделился Макс знаниями в вопросах употребления заморского алкоголя. – И щепотку соли.

– Ломтик лайма, говоришь? – усмехнулась женщина. – Ну, что же, будет тебе лайм и щепотка соли.

– В смысле? – недопонял Макс её намек, разливая тягучий напиток по рюмкам.

Лилит промолчала.

Наполнив рюмки Макс протянул одну Лилит.

– Давай на брудершафт! – сказала женщина, придвигаясь вплотную к Максиму и заводя свою руку с рюмкой за его руку.

Её губы, два соблазнительных «ломтика» лайма!

Макса вновь затрясло от предвкушения и небывалого возбуждения, совсем как какого-то озабоченного подростка на первом свидании.

С трудом себя сдерживая, чтобы не накинуться на эту жаркую штучку прямо здесь, Макс залпом выпил рюмку текилы и в изнеможении замер, ожидая пока женщина неспешно потягивала напиток из своего сосуда.

Наконец она допила и выбросив рюмку в темноту подняла взгляд на Макса.

– Ну что, «закусим»!

– Угу! – протянул Макс не сводя глаз с её губ.

В следующее мгновение он впился пересохшими губами в чувственные губы Лилит, на вкус и впрямь напоминающие благородную кислинку лайма, и почувствовал, как её острый язычок проник ему в рот, где начал вытворять такое, что Макс потерял остатки самообладания. В порыве страсти Макс попытался обнять Лилит, но та не позволила ему заключить себя в объятия. Женщина оказалась сильнее чем выглядела. Не прекращая сладостного поцелуя, она без особого труда отвела его руки в стороны и положила их на парапет. Впрочем, там руки понадобились ему больше. Жаркие губы, влажный язычок, горячее тело, прижимавшейся к нему женщины, окончательно вскружили опьяневшему Максиму голову, и он инстинктивно уцепился за парапет, чтобы не вывалиться с террасы. Макс чувствовал, что задыхается, ему не хватало воздуха, но он не предпринимал никаких попыток вырваться из этого сладострастного плена. Лилит полностью овладела его мыслями, его сознанием, его естеством. Единственное,

о чем он думал, чтобы этот поцелуй наконец перешел во что-то большее. Он воцелел эту женщину, он хотел её больше жизни.

Перехватывая руку, Макс локтем зацепил стоявшую на перилах бутылку, которая соскользнула вниз и упала на припаркованный у ресторана автомобиль. Раздался звон разбитого стекла и завизжала сигнализация потревоженной машины.

«А вот и соль!»

Макс почувствовал солоноватый привкус во рту и даже не догадался что это его кровь из прокушенной нижней губы.

Он все еще пребывал в сладострастной эйфории, когда сквозь «вату» в ушах расслышал свое имя. Знакомый голос, грубый и родной, звал его из нирваны в суровую реальность.

– Макс! Макс! Братан ты в порядке?

Получив пару пощечин Макс окончательно вернулся в себя. Он обнаружил себя сидевшим на полу террасы. Напротив, сидел на корточках Боб. За ним маячила испуганная Ева, Анна и еще несколько гостей.

– Что случилось? – тряхнул головой Макс.

– Это мы у тебя хотели спросить, – облегченно выдохнул Боб, видя, что друг очнулся и, на первый взгляд, адекватен. – На хрена ты бутылкой в машину зафиндилил. Там снизу прибежал чувак на разборки. Еле развели.

– Да и хер с ним! – махнул рукой Макс.

– Категорически согласен с тобой дружище, – кивнул Боб. – Главное, что не ты туда нырнул. Давай, поднимайся!

Боб помог другу встать на ноги.

– А она где? – спросил Макс, ища глазами Лилит.

Несмотря на внешнее спокойствие, в нем все еще бурлила поднятая из мутных глубин подсознания кровь первобытного самца.

– Кто?

– Телка, что с мной была, – шепнул Макс.

– Хо-о, брат, ты здорово перебрал, если уже своего ангелочка телкой называешь, – укоризненно покачав головой шепнул в ответ Боб. – Вот твоя Ева!

Боб отошел в сторону, пропуская красную от стыда Еву к виновнику переполоха.

– Максим поехали домой?! – сказала Ева подходя к возлюбленному. – Ты уже достаточно проявил себя.

Она провела рукой по его лицу, поправляя сбившиеся волосы, и Макс почувствовал, как от её прикосновения кровь отхлынула от лица, потому как вся устремилась в область паха.

– Поехали, дорогая! – с готовностью отозвался он и подхватив Еву под руку, повел её к выходу.

– Эй, Макс, все нормально?! – крикнул ему вслед Боб.

– Более чем!

– Может вас отвезти?!

– Сами доберемся, брат! Давай, до свидания!

Проводив взглядом друга и его спутницу, Анна обернулась к Бобу.

– Пуся, тебе не показалось, что Макс какой-то странный?

– Перебухал малеха, с кем не бывает. За нас с тобой порадовался, да не под рассчитал немного. Зря я ему «штрафную» подсунул. Вот же дурак.

– Да нет, он не столько пьяный, сколько больше на контуженного похож. И взгляд у него какой-то дикий.

– Не преувеличивай. Много ты, Аннель контуженных видела, чтобы Макса так обзывать. Еще скажи, что он под «кайфом». Макс пацан правильный, с наркотой никогда не свяжется. Говорю тебе, перепил человек. Так что не придумывай глупости всякие.

Как не красноречив был Боб, Анну он так и не убедил.

– А мне все же кажется, что что-то здесь не... – с сомнением протянула она, но была перебита.

– Все женщина! Тема закрыта! Завтра Макс проспится и будет как новый. Пошли к гостям! Давай-давай! Шевели булочками!

Пока Ева довела автомобиль до дома, Макс чуть с катушек не слетел. Внутри него, где-то на нижних чакрах, с каждой минутой разгорался огонь животной страсти, требовавший немедленного утоления. И ему приходилось прилагать немало усилий, чтобы не накинуться на Еву прямо в автомобиле. Сидя на пассажирском месте Максим, все еще чувствуя солоноватый привкус во рту, то угрюмо поглядывал на еле приподнимавшуюся стрелку спидометра (Ева верная себе вела машину строго по правилам дорожного движения), то впивался хищным взглядом в соблазнительный профиль своего прелестного шофера. Один раз Ева случайно перехватила его взгляд и мысленно вздрогнула – немигающие глаза Макса, сверлившие девушку, горели каким-то болезненным лихорадочным огнем.

Наконец из груди Макса вырвался нечленораздельный, какой-то орлиный клекот – Ева припарковала машину прямо около подъезда их дома. Выбравшись из машины Макс схватил девушку за руку и почти бегом поволок в подъезд. Бесцеремонно растолкав стоявших на площадке юнцов Макс затащил Еву в лифт и нажал кнопку нужного этажа.

Уже в лифте, видя, как побледнел Макс, Ева с тревогой в голосе поинтересовалась:

– Ты как себя чувствуешь, Максим?

– Пока очень плохо! – процедил тот сквозь зубы.

– Ничего, потерпи еще немного, мы почти дома.

– Угу!

Не зная о том, что произошло с Максом в ресторане, Ева наивно полагала, что ему просто стало плохо от того, что перебрал со спиртным и теперь сдерживался из последних сил, чтобы не вырвало. Не сказать, чтобы Макс частенько прикладывался к рюмке, но пару раз уже было такое, когда после вечеринок Ева его еле успевала довести до дому, где тот содержательно «беседовал с белым другом». Надеялась она, что и на этот раз все обойдется банальным «пуганием» унитаза.

Но бедная девушка сильно ошибалась.

Когда лифт остановился и его створки раскрылись, Макс буквально швырнул Еву к двери.

– Открывай!

Ева достала из ридикюля ключ и с трудом вставила его в замочную скважину – взявший её за талию Макс, к тому же дышавший в затылок, мешал сосредоточиться.

– Ну, чего там застряла?!

– Да все уже!

Ева распахнула дверь и попыталась посторониться, чтобы пропустить Макса в ванную, но тот и не думал её отпустить.

Закрыв дверь и подхватив девушку на руки, Макс не разуваясь понес её в спальню.

– Макс, прекращай дурачиться, – все еще не понимая, что с ним происходит, пыталась Ева уговорить своего любимого. – Отпусти меня, слышишь?!

Но Макс уже ничего не слышал и не хотел ничего слышать. Распахнув двери спальни он бросил девушку на аккуратно заправленную кровать, включил свет и, сбросив пиджак, завалялся на неё сверху. Теперь, когда они остались одни, Макс, сгоравший от нечеловеческого возбуждения, выпустил на волю все свои потаенные желания и сексуальные фантазии. Наверное, он и сам до конца не осознавал, на какие грязные поступки способен в таком состоянии.

Сорвав платье с сопротивлявшейся девушки, Макс пришел в еще большее исступление. Черный гипюровый лифчик, такого же цвета трусики и чулки с кружевной каймой-резинкой контрастировавшие с белой бархатистой кожей Евы окончательно лишили его рассудка. Зарычав по-звериному, обезумевший Макс накинулся на свою жертву. Следом за платьем на прикроватный коврик упали разорванные трусики и скомканные чулки. Бюстгальтер со сломанными застежками безвольно повис на абажуре напольного торшера. Несмотря на то, что Ева противилась и умоляла его прекратить, Макс оставался глух к её словам. Своим смятением она его только больше раззадоривала. Сбросив с себя одежду он склонился над Евой, рывком раздвинул её молочно-белые бедра и проник в неё резко и грубо. Девушка вскрикнула от пронзившей её боли и еще раз попыталась поймать взгляд Макса. В его потемневших глазах плескалась животная похоть. Это было лицо совершенно чужого, незнакомого ей человека – жесткое, безжалостное, властное. Надеясь, что все скоро закончится, она зажмурилась и попыталась закрыть лицо руками. Но в следующий миг, Максим, посчитав, что эта поза слишком обыденна, перевернул девушку на живот и заставил приподняться на колени. Абсолютно не заботясь о её ощущениях, он схватил её за бедра и мощно войдя сзади, продолжил грубое соитие. Ненасытный Макс менял позы, словно имел дело с бездушной куклой, выбирая все более непристойные и постыдные, мял груди, заламывал руки, оставляя синяки на нежной коже. Издавая гортанные хрипловатые звуки, Макс покрывал её шею, плечи, лицо влажными поцелуями, облизывал грудь и живот, оставлял засосы на спине и ягодицах, кусал лодыжки и запястья, не переставая вновь и вновь погружать свою возбужденную плоть в сухое как пустыня лоно женщины...

Ева не знала сколько времени длилась эта пытка. Её сознание затуманилось. Наверное, чтобы девушка не сошла с ума от боли и стыда, включились защитные функции организма и Ева впала в некое подобие гипнотического транса.

Когда она очнулась, то увидела Макса рядом с собой, безмятежно спавшего на скомканных простынях. Выплеснув свою сексуальную агрессию, он заснул как ни в чем не бывало, крепким сном, даже не удосужившись поинтересоваться состоянием Евы.

А у неё болело все тело, болело не только снаружи, но и изнутри. И если с наружи боль была ноющая, то внутри все горело адским огнем. Но даже не эта боль приносила девушке наибольшие муки. Боль в опустошенной душе, страх, разочарование в любимом человеке и, как следствие, разочарование в жизни, совсем недавно такой уютной и благополучной, повергли её в пучину страданий.

Истерзанная, вся в синяках, царапинах и засосах, с потеками туши на щеках, Ева с отвращением смотрела на спящего мужчину, чему-то улыбавшемуся во сне. В её голове лихорадочно крутились мысли, среди которых все ярче пульсировала мысль о лежавшем на кухне, в ящике для столовых приборов разделочном ноже...

Утомленный пятничным кутежом город дремал под баюкающий шум дождя. Его беспокойные обитатели, отметившись в дорогих ресторанах, более демократичных кафешках и самых дешевых забегаловках (в зависимости от достатка и возможностей) давно разъехавшись по своим норкам из кирпича и бетона, тоже тихо-мирно спали. Яркие манящие огни злачных заведений погасли, как и праздничная иллюминация на улицах и площадях. В серый предрассветный час все равно некому ими любоваться. Лето прошло, а по промозглой осенней сырости романтиков, желающих бродить по городу до утра, что-то не наблюдалось.

С тихим скрипом открылась дверь подъезда, выпуская в густые предутренние сумерки девушку в теплом спортивном костюме с надетым на голову капюшоном. Это была Ева. Она катила за собой большой чемодан на колесиках. Тот самый чемодан, с которым она переехала к Максиму пару месяцев назад. Подойдя к ожидавшему её такси, девушка постучала в окно

машины. Задремавший таксист, пожилой кавказец, встрепенулся, увидев спустившегося клиента, выскочил из машины.

– Здрости, уважаемая! Давайте чемодан в багажник положу.

Ева молча кивнула.

Таксист открыл багажник и взялся за чемодан.

– Ого-го какой тяжелый! – крикнув от натуги, сказал он, запихивая багаж молчаливой клиентки. – Вы, случайно, туда не расчлененного мужа запихнули? А-а, уважаемая?

Справившись с чемоданом, таксист взглянул на девушку, посмотреть, как та оценила его избитую черную шутку.

Лицо девушки было столь отрешенным, что таксист едва сам не поверил в свою дурацкую версию. Или не дурацкую?

В голову бывшего таксиста полезли разные мысли, одна другой страшнее.

– К сожалению, это всего лишь мои вещи? – внезапно ответила девушка и по её тону нельзя было понять, действительно ли она сожалеет, что там не «расчленёнка» или это такой ответный «черный юмор». – Давайте уже поедем!

– А-а, да, да, да!

Таксист засуетился, с тревогой поглядывая на багажник, сел в машину и завел мотор.

Девушка в последний раз оглянулась на темные окна спящего дома и села на заднее сиденье.

Такси тронулось с места, проехало через заставленный припаркованными автомобилями двор, свернуло на проезжую часть и поехало по пустынным улицам сонного города...

Был уже полдень, когда Макс продрал глаза.

Чувствовал он себя, надо сказать, на удивление хорошо, не в пример обычным пробуждениям после подобных развеселых вечеринок. Ни тебе похмельного синдрома, ни других сопутствующих недомоганий.

Еву он рядом с собой не обнаружил. Особо не удивился, так как знал, что его милая подруга, та ещё ранняя пташка. Наверное, уже вовсю на кухне хозяйничает.

– Солнышко, я проснулся? – возвестил Макс.

Обнаружив, что он совершенно голый, Максим обмотался простыней и прошлепал босиком на кухню, чтобы первым делом чмокнуть Еву в ямочку на щеке. После прошедшей жаркой ночи (о чем красноречиво говорили разбросанная по спальне одежда и измятая кровать) он просто обязан был «отблагодарить» свою вторую половинку нежным поцелуем, прежде чем направиться в ванную.

В кухне никого не было. На электрической плите было пусто, ничто не варилось, не пеклось и не жарилось. Тостер отключен. Чайник пуст. Все прибрано – ни одной тарелки, ни стакана, ни блюдца, ни ложки, ни вилки видно – вся посуда и столовые приборы разложены помешанной на порядке и чистоте Евой по своим местам. Только в стоявшей посреди столешницы разделочной доске воткнут кухонный нож с широким лезвием. Надо сказать, глубоко-так вошло острие ножа в дерево. Очень глубоко.

У Макса складывалось такое впечатление, что девушка собралась что-то нарезать, но передумала. Возможно, закончились кое-какие продукты, например, овощи-фрукты к её любимым салатикам, и Ева решила сходить в магазин. Это так на неё похоже.

Чтобы удостовериться в своей догадке Макс заглянул в гостиную и на лоджию, где у них стояли удобные кресла из ротанга, на которых Ева любила в выходные, закутавшись в плед, читать книжки на своем «айфоне».

И там девушки не оказалось.

Значит точно за продуктами укатила.

В прекрасном расположении духа (впереди еще два выходных с любимой!) Макс зашел в ванную, справил нужду и выдавив на зубную щётку немного отбеливающей пасты, принялся чистить зубы. В процессе чистки Макс, как любой нормальный мужик, стал любоваться отражением в зеркале рельефных мускул своего поджарого подтянутого торса, который притягивал взгляды девушек в спортивном зале – пару раз в неделю он посещал фитнес-центр, где сотрудникам их фирмы продавались абонементы с хорошим дисконтом. Широкие «эполеты» плеч, выпуклые и проработанные мышцы груди, перекатывающиеся под кожей твердые шарики бицепсов и, самая его гордость, глубоко прорисованные кубики пресса – одной только этой «шахматной доской» можно было вскружить голову любой помешанной на спорте «фитоняшке».

«Хм, раньше в зеркале пресс не был виден, – мысленно отметил Макс, продолжая начищать эмаль зубов в том числе и в труднодоступных местах, – Или до этого просто на него внимания не обращал? Да нет! Как можно не обратить внимание на такую красоту четко пропи-санную. Странно».

Стоп!

Только сейчас он обратил внимание, что на стеклянной полке перед зеркалом было пусто: ни гелей, ни масел, ни кремов, ни спреев, ни скрабов, ни дезодорантов, ни лосьонов – короче, ничего из тех средств гигиены, которыми пользовалась Ева и которыми была почти полностью заставлена нижняя полка на зеркале. Только в уголке полки сиротливо жались друг к другу его флакон с пеной для бритья и пустой стакан для зубных щеток – свою зелёную он держал в руке, а розовая щетка Евы отсутствовала.

Что за глупые шутки!

Макс отдернул в сторону шторку над ванной. Ниша для шампуней-скрабов-кондиционеров тоже практически опустела. Всякие питательные шампуни для женских волос на все случаи жизни, питающие маски, жидкие мыла для различных частей женского тела, экзотические разноцветные соли для ванн – всё, чем Ева холила и лелеяла своё обворожительное тело – всё это тоже исчезло.

Бросив щетку в раковину, Макс бросился в гардеробную. Полки и вешалки, на которых раньше висели и лежали аккуратно сложенными стопками вещи Евы, опустели.

Заранее догадываясь, о том, что он сейчас увидит, Макс метнулся в спальню, чтобы проверить комод, где хранилось их нижнее белье и, вдруг застыл как вкопанный. На глаза ему попался висевший на торшере бюстгальтер.

Какого черта!

Он бросил взгляд на измятую кровать, скомканное и сброшенное на пол покрывало, выглядывающую из-под кровати подушку, разбросанную по комнате одежду и попытался более детально вспомнить события вчерашнего вечера и прошедшей ночи.

Выпил на работе хорошего бренди с директрисой. Все чин по чину, без баловства, несмотря на её прямое приглашение к утонченному разврату. Подвез секретаршу до дома. Ничего такого – невинный поцелуй в щеку и тот внезапный. Потом вместе с Евой приехал в ресторан, на вечеринку, устроенную Бобом. Там пропустил «штрафной» фужер водки. Закусил. Опрокинул пару рюмок коньяку. Потанцевал. Затем вышел покурить на террасу. Познакомился с «конфеткой» в шикарной обертке. Как её звали? Лиля. Нет, кажется Лилит. Да, точно Лилит! Роковая женщина с «лаймовыми» губами. Она угостила рюмкой текилы.

Дальше воспоминания в памяти Макса возникали обрывочно. Наверное, из-за того, что где-то с этого момента спиртное в голову шибануло (вот что значит смешивать и нормально не закусывать).

Так, значит дальше они с Евой ушли пораньше. Машина. Подъехали к дому. Подъезд. Лифт. Дверь. Квартира.

Потом все как в сиреневом тумане.

Жаркие поцелуи. Страстные объятия. Горячие ласки. Обнаженная Ева при включенном свете. Её руки, кокетливо закрывающие лицо. Стоны. Всклипы. Сладострастная вспышка. Полный кайф. Томительное упоение. Небывалый релакс. Легкая дремота. Объятия Морфея.

Полуденное пробуждение.

Неужели Ева обиделась? За что? Что вообще произошло? Он что, позволил себе что-то лишнего? Неужто так накуролесил по пьяной лавочке или ляпнул лишнего, раз Ева собрала свои вещи и ушла?

На эти вопросы могла ответить только она?

Отыскав в кармане пиджака мобильник, Макс набрал номер Евы. Металлический с укоризной голос в динамике сказал, что её телефон вне зоны доступа. Значит отключила.

Бросив телефон на кровать, Максим поспешил в ванную, быстро закончил водные процедуры, оделся, нашел в прихожей на полке ключи от машины, обулся, уже собрался выходить как модной мелодией о себе напомнил позабытый в спешке телефон. Макс бросился в спальню. Вдруг Ева звонит!

На экране смартфона высветилось фото с веселой физиономией Боба. Макс нажал на зеленый кружок с телефонной трубкой.

– Да?!

– Здорово, Макс! Как ты? Похмелиться не хочешь?

В голосе друга звучали теплые нотки понимания, видимо сам вчера хорошо выпил и, хворая, думал, что Максу тоже «не здоровится».

– Блин, Боб, какой похмел?! От меня Ева ушла!

– Куда ушла?! – в голосе Боба сквозило непонимание.

– Не знаю!

– А почему? Поссорились?

– Не помню! Но видимо где-то я здорово налажал.

– О-о, брат! Ты вчера был в ударе! Подтверждаю, ваша честь! Мог дров наломать. Надеюсь ты ей не причинил морального и физического вреда?

– Боб мне не до шуток. Она все свои вещи забрала. Все! Даже фотографии свои из рамок вытащила.

– Э-э, дружище, дело плохо. Давай мы с Аннель подыдем?

– Да нет, что вы попретесь ко мне через весь город. Тем более, что я сейчас хочу съездить к её сестре. Может Ева у неё. Если там, поговорю с ней, разберусь что к чему, объяснюсь.

– Ладно, брат, удачи! Держи меня в курсе. Если что звони, подскочу.

– Спасибо, Боб. До связи!

Макс отключил телефон и отправился на поиски Евы.

Старшая сестра Евы, Мария, была ровесницей Макса. Она уже третью пятилетку состояла в браке с водителем скорой помощи, где сама работала фельдшером, имела двухкомнатную квартиру в «хрущевке», троих непоседливых сыновей, любила младшую сестренку почти материнской любовью и, возможно, по этой же причине недолюбливала Макса, которого считала ненадёжным смазливый городским пижоном, слишком старым для Евы и чересчур самовлюбленным. Будь её воля, она бы Макса к Еве и на пушечный выстрел не подпустила бы. Но, к сожалению, Максим был выбором сестренки и, зная её тихий и вместе с тем упертый характер, Мария ничего не могла с этим поделать. Хотя, когда они с Максом изредка пересекались, она всем своим видом давала ему понять, что не для него, «стервятника», они с родителями «голубку» растили.

И вот к этой суровой и негативно настроенной по отношению к нему женщине Макс направлялся в настоящее время, так как не без оснований считал, что Ева могла поехать в первую очередь к ней.

Поднявшись по ступенькам грязного обшарпанного подъезда на третий этаж, Макс нажал кнопку звонка.

Дверь открыл Иосиф, муж Марии, простой добродушный мужик, с которым у Макса сложились хорошие взаимоотношения.

– О-о, Максим, привет! – хозяин квартиры заглянул через плечо гостя. – Ты что, один? А где Евгения?

Макс смешался, догадавшись по вопросу Иосифа, что Ева к ним не приезжала.

Сообразив, в свою очередь, по растерянному-задумчивому лицу Макса, что того что-то гложет, Иосиф не стал донимать его вопросами на пороге, а пригласил в квартиру.

– Давай, заходи, Максим. Проходи.

Пропустив гостя в квартиру, Иосиф закрыл за ним дверь.

– Ну чего стоишь? Разувайся! – заметив, что Макс мнётся в прихожей, сказал хозяин. – Мы как раз обедать садимся. Давай с нами перекуси. Пацаны будут рады.

Из кухни доносился аппетитный запах котлет, субботнего пирога и раздавался звон посуды – Мария накрывала на стол.

– Спасибо, я ненадолго, – отказался Макс, хотя чувствовал, как от запаха еды засосало под ложечкой.

– Ой, да брось ломаться, – усмехнулся Иосиф, предполагая, что Макс отказывается из-за их с Марией натянутых взаимоотношений. – Не бойсь. Маша уже смирилась с твоим присутствием в жизни Евгении. Да не съест же она тебя, в конце концов. И у меня будет причина накатить сто грамм заодно с тобой.

– Да я не боюсь... э-э Марии, – негромко ответил Макс, косясь на кухню. – А насчет ста грамм, так в этом деле я тебе не пособник. Я за рулем.

– Когда это тебя останавливало, Макс? – хмыкнул Иосиф, просительно кивая в сторону кухни. – Давай, давай, дружище!

Блин, подколот его почти как наемни Адалина, отметил Макс. Прямо слово в слово. Неужели окружающие его и впрямь считают таким вот раздолбаем. Пора задуматься над этим.

– Со вчерашнего дня останавливает, Иосиф. Я Еве слово дал, что больше пьяным за руль не сяду.

– Ага! Понятно! – озадаченно покачал головой Иосиф и с оглядкой на кухонную дверь прошептал с ироничной усмешкой: – Значит и тебя бабий каблучок по-тихому придавливает.

Макс пропустил колкость мимо ушей. Тем более что из уст добродушного Иосифа, с лихвой вкусившего прелести семейной жизни с крутонравной Марией, она звучала абсолютно не обидно, а больше как чистосердечное признание.

– Если бы так! – вздохнул Макс. – Ладно, мне некогда. Я действительно на пару минут заскочил. Позови, пожалуйста, Марию.

– М-да, вот значит, как. Ну да ладно. На нет, как говорится, и суда нет, – развел руками Иосиф и позвал жену: – Маша, иди тут к тебе пришли.

– Кто там? – раздался низкий женский голос из кухни. – Пусть проходят.

– Да иди уже сюда! Некогда человеку!

Хозяин дома переглянулся с Максом.

– Да кто там?

Вытирая руки о передник из кухни вышла Мария.

– А-а, Максим! Здравствуй! – В голосе женщины сквозило разочарование. Мария была «рада» его видеть не больше чем соседку Зинку, одинокую даму бальзаковского возраста, которая частенько заглядывала к ним под предлогом попросить соли, сахара, подсолнечного масла, а сама пялилась масляными похотливыми глазенками на её Йоську. – Чем обязаны? А где, кстати, Евгения?

– Вот, по этому поводу я к вам и пришел, – мысленно съежившись в ожидании суровой отповеди, ответил Макс и, набравшись храбрости, задал вопрос: – Она тебе не звонила?

– Что значит не звонила? Разве она не у тебя?

Макс отрицательно покачал головой, стараясь не отвести глаза от сурового взгляда Марии.

– Она ушла от меня.

– Опа! Когда? – вырвалось у Иосифа, оставшегося в прихожей. Поймав испепеляющий взгляд супруги, Иосиф стушевался и закрыл рот.

– Сегодня утром, – Макс счел необходимым ответить на его вопрос.

– Вот, что и следовало ожидать! – без злорадства, скорее, как констатацию факта, обеспокоенно произнесла Мария. – Я как знала, что ничего путного у неё с таким как ты не выйдет. Небось довёл девчонку! Пижон!

– Ты это, Мария, сбавь-ка обороты! – заступился за гостя Иосиф. – Налетела прямо как коршун. Дай человеку слово вымолвить.

Мария вновь посмотрела на мужа своим тяжелым взглядом, но встретив неожиданно твердый взгляд в ответ, пошла на попятную.

– Хорошо, пусть говорит! Пусть скажет из-за чего Женька от него сбежала?

Макс продолжал молча стоять в проходе.

– Ну, Максим, рассказывай, что там у вас стряслось? – участливо подбодрил его Иосиф. – Поругались что ли?

– Да я, честно говоря, даже не знаю, точнее – не помню, – признался Макс, виновато поглядывая на Марию. – Мы вчера на вечеринке у друзей были. Ну, я выпил немного.

– Ага немного! – перебила его Мария. – Знаем мы как вы там в своих кабаках пьете? Бывали на вызовах.

– Ну, может я чуток перебрал, – согласился с замечанием Макс. – Но чтобы ссориться с Евой, или там руку на неё поднять, такого точно не было. Домой приехали. Все нормально было, – не стал он останавливаться на подробностях жаркой ночи, – а с утра проснулся, Евы нет. И вещи свои забрала.

– Значит, где-то ты хорошо дров наломал, – сделал умозаключение рассудительный Иосиф.

– Ох и придурок ты, Максим, – всплеснула руками Мария. – А я-то дура, уже начала тебе доверять. Сомнения в меня закрались, по поводу твоей натуры. Думала – а вдруг! Но нет, права я была, нутром чуяла твою сущность. Сбил девчонку с панталыку, а теперь в кусты.

Как ни обидны были слова женщины, но Макс не стал возмущаться и вступать с ней в полемику.

– Да ни в какие кусты я не прячусь! – ответил Макс. – Я просто хочу найти Еву и узнать причину её ухода? Я хочу её вернуть! Я, может быть, люблю её.

Своими словами он только больше распалил Марию.

– Гляньте-ка на него! Какой порядочный джентльмен объявился! Хочет узнать причину! Хочет вернуть! И даже, может быть, любит! Сам нажрался до такой степени, что даже не помнит ничего!

– Ладно тебе, тут страшать почем зря, – проворчал Иосиф на жену. – Видишь, Макс сам не свой.

– Ох, Максим, не дай бог с ней что-нибудь случится. Узнаю, что ты обидел мою сестренку, я с тебя заживо шкуру спущу.

Мария высказалась в сердцах, но не верить ей у Макса причин не было.

На шум из детской комнаты выскочили трое сорванцов десяти, восьми и шести лет: Петька – старший сын, Пашка – средний и младший Андрейка.

Увидев Максима, мелкота кинулась к нему с радостными возгласами. Макс всегда, когда заглядывал с Евой в гости к её родственникам, одаривал детей подарками, как минимум сладкими шоколадными батончиками, по несколько штук на брата.

– Дядя Макс! Дядя Макс! Ты останешься у нас покушать. Мама пирог с яблоками испекла! Потом в коняжку поиграем!

Дети облепили Макса, заглядывая тому в глаза, но Макс сейчас было не до игр.

– Извините, братва! Мне сегодня некогда!

Осознав, что он сегодня без гостинцев, Макс, чтобы не нарушать их негласную традицию достал из кармана бумажник и вытащил три тысячные купюры.

– Вот вам на настоящих лошадях, в парке отдыха! – раздал каждому по купюре.

– Ур-ра!!! – радостный звон детских голосов прокатился по квартире.

Рассерженная Мария хотела было отобрать деньги у детей и вернуть их Максиму, но красноречивый взгляд мужа, говоривший, мол нечего портить ещё и детям настроение, остановил её.

– Марш руки мыть и за стол! – рявкнула она на детей, не желая смотреть как они льнут к Максиму.

После строгого окрика матери, малышня как ветром сдуло.

– Ладно, пойду я! – пожал плечами Максим. – Просьба, дайте знать если Ева позвонит или объявится.

– Видно будет, – неопределенно ответила Мария.

Иосиф же, зашедший за спину жены, утвердительно кивнул, дескать не дрейфь, подкажу.

– Тогда, до свидания! – приободрился Макс, удостоверившись, что оставляет здесь верного союзника и вышел из уютной квартиры в пропахший плесенью подъезд.

Всю субботу и воскресенье Максим потратил на поиски Евы. Заехал на несколько адресов их общих знакомых, обзвонил кого знал из её подружек, бывших однокурсниц и коллег по работе, с двумя вопросами: первый – не у них ли Ева? – и, получив неизменный ответ, второй – не выходила ли Ева с ними на связь? Никто из знакомых девушку не видел и не разговаривал с ней. Зато они подсказывали Максиму телефоны и адреса других их общих знакомых, у которых могла остановиться Ева. Макс продолжал звонить тем другим, спрашивать, но все тщетно. Ева словно испарилась. И все это время он с небольшими интервалами пытался дозвониться на её номер, но телефон был отключен. Отчаявшись найти девушку через знакомых, вторую половину воскресенья Макс тупо колесил на автомобиле по городским улицам и закоулкам, в надежде встретить беглянку. Этот сомнительный метод, как и предыдущие попытки, тоже себя не оправдал. Ева ни с кем на связь так и не вышла.

Придя в понедельник на работу, Макс улучил момент и, договорившись с замом Адалины, контролировавшим соблюдение рабочего регламента, съездил на работу к Еве. Однако там она тоже не появлялась. Её начальница отдела, с неподдельным интересом оглядывая Макса, сообщила, что Ева позвонила по телефону и сославшись на недомогание, отпросилась на пару дней. По какому телефону? По-городскому. Аппараты старые, без определителей. Номер не высвечивается, так что ничем ему тут помочь не могут. Дать ему знать, как она объявится или позвонит? Хорошо, оставьте номер. Позвоним! До свидания!

Так что и на работе у Евы Макс ничего не выяснил.

В скверном настроении он вернулся на рабочее место и, чтобы хоть как-то забыться, с головой окунулся в работу.

Всю последующую неделю Макс практически жил у себя в кабинете. Домой возвращаться не хотелось. Заезжал туда только побриться, принять душ и поменять сорочку.

Несколько раз звонил Боб, спрашивая не объявилась ли Ева. На полном серьезе предлагал написать заявление в полицию. Макс просто отмахивался. В другом случае он бы поднял друга на смех, но сейчас ему было не до смеха.

Боб работал в адвокатской конторе и имел знакомых в правоохранительных органах, поэтому предложил через знакомых организовать поиски пропавшей подружки друга. Макс не возражал – делайте, что хотите! – но и этот вариант каких-либо конкретных результатов не принес.

Ева как в воду канула.

Другой бы на месте Макса в такой ситуации стал заливать горе беленькой или ещё чем-нибудь не менее крепким. Но Макс, давший слово не только себе, но и Еве, не стал уходить в запой. Наоборот, чтобы окончательно не впасть в депрессию, он ударился в работу и показал своим ударным трудом вполне хорошие результаты. Во-первых, провел кропотливую работу, собрав интересные данные о клиентах, на которых давно положило глаз руководство их фирмы. Во-вторых, подготовил довольно хорошую презентацию предоставляемых фирмой услуг и запущенных проектов. В-третьих, он закончил квартальный отчет, защитил его перед директрисой, которая, кстати, заметила, что он сильно осунулся в последние дни. Зная из достоверных источников, что молодой человек до глубокой ночи задерживается на работе (что весьма похвально), и не зная истинных причин его нетипичного трудолюбия, Адалина Эдуардовна даже предложила Максиму, нет не себя, как вы могли подумать, а обычный отгул, без намеков и двусмысленностей. Макс поблагодарил босса за предложение, но отказался, чем еще больше её удивил.

– Как хочешь, Максим, – сказала тогда Адалина. – Мне нравится твое рвение, но отдыхать тоже надо. Ты нам нужен здоровым, так что давай без фанатизма. Не хочешь брать отгул, твое право, но я настоятельно рекомендую сегодня тебе на работе не задерживаться. Можешь уйти пораньше. Обязательно выспись. Вон глаза ввалились. Щеки ввалились. Еще немного, и ты превратишься в зомби. Тебе все понятно?

– Понятно, Адалина Эдуардовна! – кивнул Макс.

– Что понятно?

– Что я скоро превращусь в зомби!

– М-да, ты все правильно понял. Свободен!

Адалина Эдуардовна облегченно вздохнула – чувство юмора у Макса, пусть и своеобразное, имело место быть, а значит клиент скорее жив, чем мертв. Короче, ещё не потерян для общества в целом и для фирмы в частности. Адалина стала присматриваться к Максиму не только как к строптивой сексуальной игрушке, но и как к практически готовому начальнику сектора. Его бы еще в «поле» проверить, обкатать на встречах, посмотреть, как зарекомендует себя в вопросах прямого общения с потенциальными клиентами. А там можно и принять кадровое решение.

В общем, Макс продолжал свою трудовую деятельность на благо процветания фирмы, не забывая периодически обзванивать знакомых и отправлять СМС-ки на номер Евы, с просьбой о встрече.

Деловая встреча с очередными клиентами прошла, как принято говорить в определенных кругах, в конструктивном русле. Макс, в качестве представителя фирмы, довольно профессионально провел переговоры с менеджментом фирмы, вышедшей на рынок с новым брендом в их регионе и нуждавшейся в раскрутке. На встрече были обсуждены вопросы сотрудничества, а также обмен мнениями по видению дальнейшего продвижения товаров их бренда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.